

ИЗВЕСТИЯ -1990.-19 окт.

РУССКИЕ ГОДЫ НАБОВОКОВА

В США вышла биография великого писателя

Владимир Дмитриевич Набоков, юрист и государственный деятель, один из основателей партии конституционных демократов (кадетов) был убит российским монархистом 28 марта 1922 года в одной из берлинских аудиторий на глазах у 1.500 собравшихся. Истинной мишенью покушения был П. Миллюков, экс-министр Временного правительства. Пуля, предназначавшаяся Миллюкову, досталась Набокову.

К этому времени 23-летний Владимир Владимирович Набоков был автором десятков рассказов и поэм, пьес и эссе и вместе с тем мало кому известным литератором. Его псевдоним «Сирин» был в каком-то смысле менее популярен, чем истинная фамилия, под которой Набоков играл вратарем в футбольной команде Кембриджского университета.

В. В. Набоков обожал отца. Глубокая душевная травма, причиненная его гибелью, нашла отражение в большинстве последующих работ писателя. По мнению Брайана Бойда, литературоведа из Новой Зеландии, творчество В. В. Набокова опровергает сложившийся стереотип, согласно которому драма отцов и детей является органически присущей русскому социальному характеру.

Только что издательство Принстонского университета выпустило в свет первую книгу двухтомной биографии писателя: «Владимир Набоков: русские годы». Речь идет не собственно о годах Набокова, проведенных в России. Речь о том периоде, когда Набоков писал преимущественно на русском языке.

По мнению американских критиков, Брайан Бойд написал книгу, которой суждено на многие годы остаться непревзойденной. К огорчению потенциальных соперников из нашей страны, должен заметить, что для этого есть не только субъективные, но и объективные основания.

Говоря о субъективной стороне, надлежит отметить, что в творческой жизни новозеландского исследователя из города Окленда не было страсти, цели и мечты, которая называлась бы иначе, чем — Набоков. Хотя лично он не встречался со своим кумиром, однако успел удостоиться его теплого отзыва. Незадолго до кончины писателя в 1977 году он послал ему в швейцарский город Монтрё тезисы своей кандидатской работы. Вера Евсеевна Набокова, отвечая молодому диссертанту по поручению мужа, написала, что «некоторые его идеи блистательны».

Живя более чем скромно, но чужая порою на вокзалах и на скамейках парков, Бойд неутомимо изучал все, что имело отношение к Набокову, в архивах Йельского и Корнеллского университетов, в библиотеке конгресса США, в Париже и Берлине.

К 1979 году, когда Бойд приехал в Монтрё, где последние 20 лет своей жизни жил В. В. Набоков и где остались его жена и сын Дмитрий, он был уже одним из самых образованных исследователей Набокова. Вера Евсеевна испытала вначале раздражение, а затем и гнев от безжалостной настойчивости, с которой приезжий четыре дня подряд распытывал ее о мельчайших подробностях, касающихся покойного писателя. Казалось, новозеландец навсегда отрезал себе доступ к архивам Набоковых. Однако три месяца спустя, когда появилась необходимость привести в порядок семейные бумаги, Вера Евсеевна пригласила именно Бойда.

Его дотошность и этим летом

создавала трения — впрочем, мимолетные и преходящие. Внимание Бойда к каждому письму, к любому документу и свидетельству, касающемуся Набокова, порою вызывало протест его вдовы. «Зачем вам это? — удивленно восклицала она. — Ведь вы пишете библиографию. Вот если бы вы писали биографию, я позволила бы вам осмотреть все».

И тогда молодой ученый решил писать именно биографию. В отличие от непосвященных он имел довольно четкое представление о тех огромных трудностях, которые ему предстоят.

В. В. Набоков, как известно, был блистательным биографом — его перу принадлежат жизнеописания Н. В. Гоголя и Н. Г. Чернышевского. Кроме того, он издал три версии своей биографии — одну на русском и две на английском языках. Но и это не все. Детали его биографии, осколки реально пережитого рассыпаны по страницам многочисленных произведений на четырех языках (включая французский и, хотя и в самой малой степени, немецкий). Он часто предупреждал о коварностях этого жанра, в котором «нередко создается нечто, обладающее таким же сходством с предметом, как тщательно расписанное чучело с живым человеком».

И еще одно серьезное предостережение: «Но такой биограф и сам может превратиться в чучело, если он не сочтет для себя обязательным считаться, смиренно и благодарно, со всеми желаниями или указаниями или субъекта, если он жив-здоров, или его мудрых душеприказчиков или недремных наследников. Если субъект мертв и беззащитен, с век или около того должно миновать, прежде чем его дневники можно публиковать и над ними подхихкивать».

Объективное преимущество Б. Бойда над вероятными конкурентами в том и состоит, что вдова и сын писателя позволили ему получить доступ к тем документам, которые сам Набоков велел не оглашать ранее чем полвека спустя после его кончины.

«Простая правда документов... Простые факты... Это, только это требую я от своего биографа». Эти слова Набокова наталиваются на серьезные преграды, существующие в изучении его жизненного пути.

Практически ничего не сохранилось со времен его русского прошлого. Многомиллионное состояние отца... Его богатое имение размером более 1.500 десятин... Привилегированная частная школа Тенишева, где ученикам внушались идеи либерализма и откуда вышел еще один гений русской литературы Осип Мандельштам... Ранее, с 8-летнего возраста, увлечение изучением бабочек, не ослабшее до конца...

Мало...

В Праге был богатейший архив из жизни русской эмиграции. После войны чехословацкое правительство передало его в дар АН СССР. На беду, большая часть архива попала в спецхраны различных ведомств, и лишь недавно допуск к этим материалам стал возможен. Часть документов Ольга Набокова, сестра, сожгла сама накануне прихода советских войск.

Берлин начала 20-х представлял собою удивительное соцветие русской интеллигенции. По мнению многих исследователей, редко какое сообщество смогло, живя нередко в конурах и впроголодь, создать такое интеллектуальное богатство, как русские беженцы. Достаточно сказать,

что газета «Руль», издававшаяся на русском языке В. Д. Набоковым, отцом писателя, распространялась в 369 городах 34 стран — от Маньчжурии до Аргентины.

После окончания Кембриджского университета в 1922 году и вплоть до отъезда в США Набоков написал шесть романов, две повести, более 50 рассказов, четыре пьесы, более ста поэм и стихотворений, сделал несколько переводов русской классики и издал с десяток сборников кроссвордов и шахматных миниатюр.

Он прожил в Германии 14 лет. Блистательный стилист и полиглот, почему он так и не изучил в совершенстве немецкий язык? Потому что с особым тщанием берег российские свои корни? Берег — это бесспорно. Но есть свидетельство, что он очень рано разглядел в стране те семена тупого национализма, которые в гитлеровском исполнении спустя десятилетие вызвали такое всеобщее отвращение во всем мире.

Может быть, сказался тут и бешеный антисемитизм, который пестовали новые власти? Для потомственного дворянина В. В. Набокова Вера Евсеевна Слоним, с которой он познакомился в 1924 году, стала женой и музой, редактором и переводчиком, биографом, шофером, машинисткой, литературным агентом, матерью любимого сына. Но берлинским властям на все это было наплевать. Им лишь то было важно, что в жилах ее текла неправильная кровь. Еврейская.

Никогда после не сумел Набоков забыть унижение, которому немецкая полиция подвергла И. А. Бунина. По пути из Стокгольма в Париж он сделал остановку в Берлине, где гестапо заподозрило его в нелегальном провозе бриллиантов. Обыск, разделение догола... Если бы только это. Нобелевского лауреата заставили глотать касторку, а затем... подставили специальные сосуды. А потом его, раздетого, бил, посмеиваясь, гестаповец.

В нескольких романах и повестях Набокова гротесково переплетаются две тирании, которые он лучше всего знал.

Все, что смогли, вывезли Набоковы в Париж в 1937 году, но и этим архивам была уготована безжалостная судьба. Три года спустя, накануне оккупации Франции нацистами, одна из еврейских организаций Нью-Йорка бесплатно предоставила Набоковым крошечное место на пароходе, отходившем в Америку. Все рукописи и документы были оставлены на попечение друга, тоже русского эмигранта. Нацисты быстро обнаружили в его происхождении неустрашимые генетические изъяны. Друг не сберег ни документов, ни самой своей жизни...

В Америке писатель Сирин исчез навсегда. Профессор Корнеллского университета Набоков не нуждался в курсах английского языка — он говорил на нем, как на родном.

Казалось бы, ну и что? Почти все, родившиеся в Англии и Америке, говорят на английском, как на родном. Но не все становятся писателями. И далеко не все писатели открывают новые стилистические глубины.

Это сумел сделать русский писатель Набоков. Его роман «Лолита», вышедший в 50-е годы, вмиг явил миру одного из лучших литераторов, когда-либо писавших на английском языке.

Но это уже не тот том биографии... Это уже не русские годы...

В. НАДЕИН,
собр. корр. «Известий».

ВАШИНГТОН.